

УДК 323.1 (574)

Рустем Кадыржанов – Институт философии,
политологии и религиоведения
Комитета науки Министерства образования
и науки Республики Казахстан (Алматы)

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ
СИМВОЛИЗМ КАЗАХСТАНА**

Аннотация. В современном Казахстане национальные процессы относятся к числу определяющих характер и содержание социально-политической сферы. Особенно большая роль в этих процессах принадлежит казахскому и русскому языкам, которые претендуют на роль главных символов этнокультурного символизма Казахстана. Конкуренция языков и этнокультурных символизмов определяется тем, что стоящие за ними национальные элиты стоят на позициях романтического национализма. В этом смысле социально-политические и культурные проблемы казахстанского общества аналогичны проблемам, с которыми сталкиваются новые независимые государства в различных частях и регионах мира.

Ключевые слова: этнокультурный символизм, национальная идентичность, романтический национализм, элиты, казахизация, нативизация, язык.

В данной статье ставится задача определить влияние языковых процессов на национальную идентичность Казахстана. В первую очередь нас интересуют социально-политические проблемы казахского языка, связанные с определением его места в системе казахского этнокультурного символизма и его претензий на статус общенационального символизма Казахстана.

Постсоветские государства, в большинстве своем являющиеся мультиэтническими, мультикультурными обществами, сталкиваются сегодня с проблемой формирования национальной идентичности, что предполагает совпадение в них политического и культурного сообществ, объединенных единой системой институтов, символов и ценностей. Поэтому с позиции методологического подхода этнокультурного символизма конструирование единой системы символов, служащей основой интеграции мультиэтнического общества, имеет решающее значение для формирования постсоветской национальной идентичности.

Если исходный пункт эволюции национальной идентичности и политической культуры постсоветского общества приходится на советский

период, это означает, что к этому же периоду относится начало определяющего их социокультурного, в частности, этнокультурного, символизма. Речь идет о системе символов, определяющих семантическое содержание основных идей, ценностей и смыслов национальной идентичности и политической культуры. Эволюцию постсоветской национальной идентичности можно проследить и понять через анализ эволюции этнокультурного символизма с советского времени, ее основной тенденции, внутренних противоречий, разделительных линий и связанных с ней социально-политических и культурных процессов.

Национальная идентичность имеет политическое и культурное измерения. Последнее представляет собой тот аспект национальной идентичности, который появляется в результате освоения членами нации символов и ценностей национальной культуры. С точки зрения семиотики, культура имеет символическую природу, так как культуру, в том числе этническую и национальную, можно представить как совокупность и систему символов. Отождествляя себя с нацией, человек отождествляет себя с ее культурой, а, следовательно, отождествляет себя с ее ценностями и символами. Если члены определенной этнической или национальной группы разделяют общее отношение к определенным символам, рассматривая их как свои, то они ощущают себя членами единого целого, т. е. имеют общую этническую или национальную идентичность. Это означает, что этническая или национальная идентичность имеет культурно-символическую природу. Разделяемый же членами этнической или национальной группы символизм получил в литературе название этнокультурного. Разработка элитными группами этнокультурного символизма и предложение его этносу или нации в качестве идентификационной категории имеет решающее значение для формирования этнической или национальной идентичности.

Национальная идентичность и этнокультурный символизм оказываются, таким образом, тесно связанными и взаимозависимыми между собой категориями. Этнокультурный символизм определяется национальной идентичностью и национальной культурой, содержащей в себе ценности и символы древнего происхождения. В то же время, содержание национальной идентичности во многом определяется содержанием этнокультурного символизма, т. е. тем, как национальные элиты конструируют символы и манипулируют ими для формирования идентичности своей нации. Вот почему для определения содержания и состояния национальной идентичности Казахстана необходимо определить содержание и состояние его этнокультурного символизма.

Социокультурные процессы в постсоветских обществах определяются процессом, который получил название «нативизация». Он направлен на то, чтобы превратить национальный язык титульной нации в язык общего употребления всех проживающих в постсоветском государстве народов, и

все символы титульной нации – в общие символы всего населения страны. В Казахстане нативизацию можно определить как казахизацию.

Теоретический анализ казахизации предполагает обращение к методу «центр-периферия». Это – не географическая, а социологическая концепция, раскрывающая социально-культурную структуру общества. Центр общества состоит из тех социальных групп, которые определяют основные символы общества. Под символами общества, нации, этноса, класса и любой другой социальной группы подразумеваются идеальные и материальные предметы, личности, исторические события, выражающие и представляющие социальную группу, т. е. определяющие ее идентичность. Центральные группы находятся в привилегированном положении, так как они задают основные смыслы, ценности и культурные ориентации общества, которым вынуждены подчиняться нецентральные и периферийные группы [1].

Казахизация, рассмотренная сквозь призму методологического подхода «центр-периферия», означает стремление казахского этнокультурного символизма (точнее, казахских элит, разрабатывающих и продвигающих этот символизм), занять центральное положение в этнокультурном символизме всего казахстанского общества. Это означает, что казахские символы, включая, в первую очередь, казахский язык – как главный символ этнокультурного символизма, должны стать центральными, т. е. обязательными для всего населения Казахстана. Вследствие этого, символы, в частности, языки, других этносов станут периферийными. Это относится, прежде всего, к русским символам, включая русский язык.

Чем определяется главное значение казахского языка в системе казахского этнокультурного символизма? Ответ на этот вопрос определяется центральным положением языка в системе этнокультурного символизма нации или этноса вообще. Представление о том, что язык является определяющей характеристикой национального или этнического сообщества, восходит к древности. Как отмечает Джошуа Фишман, представление об особом положении языка в составе святой троицы (святой народ, святая земля, святой язык) восходит к иудео-христианской традиции с библейских времен [2].

Объективным основанием для такого представления является то, что язык представляет собой основное средство вербальной коммуникации человеческого общества. В языке объективируется человеческая мысль и благодаря этому она становится достоянием не только индивида, в голове которого эта мысль зародилась и оформилась в словесной форме, но и других людей. Для этого, однако, необходимо, чтобы другие люди также понимали язык, на котором выражена мысль.

Язык, следовательно, выступает символическим кодом для тех, кто на нем говорит. Этот код, представляя собой систему звуковых и графических символов, позволяет различать своих (тех, кто говорит на этом языке) от чужих (тех, кто не говорит на этом языке). Язык, иначе говоря, представляет

собой символическую границу, отделяющую одно человеческое сообщество от другого. В этом состоит общий принцип существования нации: минимизировать внутренние различия (культурные, языковые, религиозные и прочие) и максимизировать внешние. Если говорить о языке, то действие этого принципа состоит в том, чтобы, как отмечает норвежский социолингвист Эйнар Хауген, в национальном сообществе существовал только один язык, один лингвистический код, на котором осуществляется вербальная коммуникация [3].

Вербальная коммуникация составляет символическую основу человеческого общения, благодаря чему становится возможным само существование во времени и пространстве социальных сообществ. Поэтому мы можем говорить о человеке как социальном существе во многом благодаря языку. Язык составляет основу человеческой культуры, которая в семиотическом плане также может быть рассмотрена как система символов.

Язык лежит в основе литературы, драмы, поэзии, музыки, театра, кино, телевидения и других видов национального искусства, поскольку продукты этих видов культуры выражаются в языке. Если мы проинтерпретируем произведения литературы и искусства как системы символов, то лежащий в основе этих символов язык может трактоваться не только как субстрат, но и как их субстанция. Ведь человеческая мысль, как мы подчеркнули выше, неотделима от языка.

Если язык лежит в основе литературы и искусства и является средством их развития, то, в свою очередь, и они являются важнейшими способами развития национального языка. Посредством литературы и искусства, а, следовательно, языка, национальное сообщество познает само себя. Но социальное самопознание невозможно без социальной самоидентификации, точно так же, как самоидентификация сообщества невозможна без его самопознания. Ведь познание самих себя, «нас», основывается на знании того, что есть «мы», и наоборот.

Литература и искусство являются сферами современного общества эпохи модерна и относятся к так называемой высокой культуре. Но в традиционных обществах фольклор и народная музыка так же неотделимы от языка и таким же образом представляют собой формы самосознания этих обществ посредством развитого в формах народной культуры символизма. Для казахского традиционного кочевого общества фольклор существует в виде эпических сказаний о батырах, жырах и других видах устного народного творчества. Кочевые казахи не имели своей письменности, поэтому высокое развитие у них получила устная традиция. Музыка казахов, как и у других традиционных народов, была тесно связана с устной традицией, с языковым символизмом.

Таким образом, язык через фольклор, устное народное творчество и музыку соединяет в единую историческую цепь, в единое символическое

целое следующие друг за другом поколения народа, этнокультурного сообщества, говорящего на этом языке. Следовательно, для этнокультурного сообщества язык и история как его важнейшие символы теснейшим образом взаимосвязаны и переплетены, выступая в качестве цементирующего его материала на протяжении многих веков.

Народный язык (вернакуляр), по утверждению американского общественного деятеля XVIII в. Макферсона, есть не только столбовая дорога к истории, сам по себе он и есть история, голос ушедших времен, которые кружатся перед взором человека со всеми их свершениями [4]. Французский философ Этьен Фурноль заявлял в начале 1930-х гг., что язык и история являются близнецами, поскольку вместе они образуют две важнейшие потребности общества. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в Европе нет ни одной нации, появлению которой не предшествовали бы исследования в области филологии и археологии на протяжении пятидесяти – восьмидесяти лет [5].

Важнейшим символом самосознания человеческих сообществ была и остается религия. Народы присоединялись к мировым религиям и, вместе с тем, присоединялись в той или иной мере к их сакральным текстам и сакральным языкам, которые были, как правило, мертвыми языками. Как отмечает Бенедикт Андерсон, чем мертвее религиозный язык, тем более он сакральный [6]. В результате в средние века в Европе сложилась иерархия языков: на вершине – латынь, как сакральный язык и язык просвещенной элиты, затем – народные языки, или вернакуляры (итальянский, французский, английский, немецкий и другие), а внизу – диалекты.

Революция Гутенберга – изобретение печатного станка – привела к зарождению и развитию в Европе печатного капитализма, когда печатание и продажа книг создали растущий их рынок. По мнению Андерсона, развитие печатного капитализма привело к постепенному вытеснению с вершины иерархии языков латыни и выходу на передовые позиции вернакуляров, поскольку этого требовали растущие книжные рынки [7]. Это привело к возвышению вернакулярных языков – английского, немецкого, французского и других, которые постепенно становились языками высокой культуры, языками элитарных кругов Европы. Развитие литературы стало культурной основой возвышения языков. Творчество Шекспира, Мильтона, Монтеня, Мольера, Расина, Сервантеса и других великих европейских писателей и поэтов способствовало превращению вернакуляров в литературные языки, языки высокой культуры, элитарные языки.

Печатный капитализм, как отмечает голландский социолингвист Ян Бломмарт, стал также инструментом распространения специфических языковых, лингвистических идеологий. Понятие языковой идеологии выросло из лингвистической антропологии Уорфа и Сепира, оно связано с социально и культурно укорененными металингвистическими

концептуализациями языка и формами его употребления. Носители и пользователи языка в той или иной мере используют концепции языка и языкового употребления: концепции «качества», ценности, статуса, норм, функций, владения и т. д. Эти концепции определяют коммуникативное поведение пользователей языка; они осознанно или неосознанно пользуются этими концепциями и, тем самым, воспроизводят их. Эти концепции являются идеологическими конструктами и в них выражены стоящие за ними представления о мощи и власти. Употребление языка в обществе на самом деле идеологически стратифицировано и регламентировано, а потому «лучший» язык отличается от «менее адекватного» языка в любом аспекте его употребления. Так, например, письменный язык оценивается выше, чем язык устный, стандартный национальный язык рассматривается выше, чем диалект, а специфические экспертные языки – выше обыденного языка [8].

Внедрение печатного капитализма предоставило инструмент для распространения языковых идеологий, которые наделяли высшим престижем автономный, структурированный, семантически прозрачный письменный язык, язык элиты, который находился под контролем высшего и среднего классов общества. Этот язык в условиях печатного капитализма насаждается всему обществу как единственный Язык и противопоставляется «жаргонам», «наречиям», «диалектам» и иным формам «неточного», «вульгарного», «путаного» устного языка менее просвещенных масс. Это был тот вид Языка, который должен был быть положен в основу грамматик и словарей, а затем представлен нормативно, как собрание четких правил, в нарождающиеся национальные системы образования [9].

Одним из основоположников языковой идеологии в Новое время можно считать английского философа Джона Локка. Он разработал в высшей степени элитистский взгляд на язык как на нечто, нуждающееся в «очищении» и деконтекстуализации – как части программы рационалистического и беспристрастного индивидуализма, лежащего в основе эпохи модерна. Язык, в этом смысле, должен быть отделен от устной народной «традиции», вернакулярных рассказов и анекдотов простых людей, воспринимаемых Локком как антирациональная, эмоциональная, хаотическая сфера. Язык в смысле Локка стал «стандартным» языком модерна. Но прежде, чем это случилось, в Европе зародилась другая, противоположная тенденция. Устная и народная традиция, отрицаемая Локком, была спасена немецким философом Иоганном Готфридом Гердером и его школой и возвышена до уровня «национального характера». Но «традиция» должна была быть рационализирована: традиция нуждалась в обновлении разнообразностью прозрачного стандартного языка, отстаиваемого Локком.

В результате столкновения взглядов Локка и Гердера возникла своеобразная комбинация традиции, понимаемой как национальная идентичность, с одной стороны, и рационалистических представлений

стандартного разговора, которая стала основой для подъема национальных стандартных языков, как мы их знаем сегодня: лингвистических единиц, известных сегодня как «английский язык», «французский язык» и другие – с другой. Эти лингвистические единицы, с одной стороны, определяются как деконтекстуализированные, следовательно, универсальные правила и нормы, а, с другой – они ограничиваются национальными пространствами, в рамках которых становятся эмблемами, или символами, национальной идентичности [10].

Система взглядов, рассматривающая язык как центральный элемент национальной идентичности и национального бытия, получила название романтизма. Основателем романтизма считается Гердер, хотя он испытал на себе влияние более ранних философов, в частности, итальянского философа Джамбатиста Вико, написавшего «Новую науку». Однако именно Гердер развил систему взглядов и идей, объединяющую язык, нацию и территорию в единое целое. Поэтому Гердер рассматривается также и как один из основателей национализма вообще. Романтический национализм стал одним из самых широко распространенных в мире на протяжении последних более чем двухсот лет идеологических течений.

В работах Гердера выражаются взаимодополняющие друг друга взгляды, что родной язык выражает душу или дух народа, и что, поскольку язык представляет собой преимущественно коллективное достижение, язык является самым надежным для человека способом сохранения своего своеобразия, отличия от других, которое он наследовал от своих предков, а также для передачи его еще неродившимся поколениям. Языку поэтому принадлежит центральное место в эмоциональном и интеллектуальном поиске современного национализма, самобытности и своеобразия народов и наций. Каждая нация ищет свое место в ряду современных наций, пытается определить свою миссию в истории человечества. Это место и миссия нации составляют ее суть, ее душу и сердце. Душа нации не только отражается в родном языке и защищается им, но родной язык есть важнейшая часть души народа и, в конце концов, сама эта душа. Поэтому для Гердера многообразие языков и культур в мире сама по себе есть прекрасная вещь [11].

Романтический национализм, как было сказано, получил широкое распространение в мире, во всех его частях и регионах, поскольку везде в мире националисты ставят треугольник «язык-народ-земля» как фундамент определения нации в своих странах. Поэтому националисты так или иначе повторяют слова и мысли Гердера. Например, «без финского языка мы не финны»; «роль арабского языка в жизненной истории арабов состоит в том, чтобы фиксировать их творческую натуру, быть символом их единства и выражением их умственных и художественных способностей»; «наш каталонский язык, символ нашего народа, от которого он никогда не откажется, есть духовное основание нашего существования» [12].

Языковой национализм в Казахстане подчиняется общим мировым закономерностям романтического национализма, что связано с попытками государства и национальных элит определить национальную идентичность с помощью казахского языка и роли русского языка в этом процессе. В этом нам видятся в самом общем виде причины популярности в Казахстане романтического национализма, хотя сами элиты не осознают того, что их действия определяются логикой этого вида национализма.

Наиболее последовательными в определении национальной идентичности Казахстана посредством казахского языка являются казахские титульные элиты, или национал-патриоты. Достижение этой цели они видят в языковой казахизации казахстанского общества, что означает превращение казахского языка в единственное средство вербальной коммуникации не только между казахами, но и всеми национальностями Казахстана. В этом случае, как было сказано выше, казахский язык займет центральное, доминирующее положение в социальной жизни Казахстана, а другие языки, включая и русский, перейдут на периферийное положение. Как отмечает американский политолог и социолингвист Уильям Фиерман, казахские националисты рассматривают доминирование казахского языка как естественное следствие независимости Казахстана. Такой взгляд соответствует представлению, что только одна этническая группа, идентифицируемая только с одним языком, может предъявлять претензии на Казахстан как свою традиционную землю [13]. Но такой взгляд полностью соответствует логике романтического национализма, соединяющего язык, народ (этнос) и территорию в стремлении создать нацию и национальную идентичность.

Идентичность, которая может возникнуть на основе казахского романтического национализма, может быть определена как казахская идентичность. В самом общем виде она может быть определена как ответ «Мы казахи» на вопрос «Кто мы?» В определении казахской идентичности ключевую роль играет казахский язык, который должен обладать особым статусом по сравнению с другими языками республики. Взгляд, что казахский и только казахский язык должен иметь особый статус в Казахстане, неявно основан на романтическом представлении, что каждый язык имеет свою территорию распространения и культивирующее его государство [14]. Следовательно, казахский язык и казахская идентичность задают параметры национальной идентичности Казахстана – в том смысле, что национальная идентичность должна совпадать с казахской идентичностью.

В силу исторических, культурных и иных причин доминирование казахского языка в современном Казахстане остается недостижимой целью. Как и в других постсоветских обществах, нативизация сталкивается с сильными позициями русского языка и русско-советской культуры, обретенными ими еще в советский период и продолжающими доминировать

в силу инерционности культурных процессов в постсоветском обществе. К тому же государство проводит в полиэтническом обществе Казахстана политику гражданского национализма и мультикультурализма, оказывая поддержку русскому и другим языкам. Это вызывает критику власти со стороны казахских национал-патриотов, которые призывают ее применять жесткие меры в отношении тех, кто не уважает государственный статус казахского языка и нарушает закон о языках.

Таким образом, сегодня казахизация, основанная на романтическом национализме, сталкивается с серьезными препятствиями в достижении доминирования казахского языка как главного символа этнокультурного символизма Казахстана. Противоречие казахской и казахстанской идентичностей способствует неопределенности в формировании национальной идентичности Казахстана.

Литература

- 1 *Eisenstadt, S.N.* Revolutsia i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii. – М.: Aspect Press, 1999. – S. 138–143.
- 2 *Fishman, J.A.* Language and Nationalism. Two Integrative Essays. – Rowley, MA: Newbury House Publishers, 1972. – P. 44.
- 3 *Haugen, E.* Dialect, Language, Nation // *American Anthropologist*. Vol. 68, 1966. – P. 922–935. – P. 928.
- 4 *Fishman, J.A.* Language and Nationalism. Two Integrative Essays. – P. 45.
- 5 Ibid.
- 6 *Anderson, Benedict.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London and New York: Verso, 1991. – P. 14.
- 7 *Anderson, Benedict.* Imagined Communities. – P. 37–46.
- 8 *Blommaert, J.* Language Policy and National Identity. – In: Ricento, T. Introduction to Language Policy: Theory and Method. – Wiley-Blackwell, 2008. – P. 241–242.
- 9 *Blommaert, J.* Language Policy and National Identity. – P. 242.
- 10 Ibid.
- 11 *Fishman, J.A.* Language and Nationalism. Two Integrative Essays. – P. 46.
- 12 Ibid.
- 13 *Fierman, W.* Changing Urban Demography and the Prospects of Nationalism in Kazakhstan // *Canadian Review of Studies in Nationalism*. Vol. XXVII (2000). – P. 7–20. – P. 12.
- 14 Ibid.

Түйін

Қадыржанов Р.Қ. Қазақ тілінің әлеуметтік-саяси мәселелері және Қазақстанның этномәдени символизмі

Бұл мақалада Қазақстанның ұлттық бірегейлігіне тілдік үрдістердің әсері талданады. Ұлттық элита романтикалық национализмнің әсеріне берілетіндігі және мұның Қазақстанның ұлттық бірегейлігін анықтауда белгісіздік жағдайын туындататыны көрсетіледі.

Summary

Kadyrzhanov R.K. Social and Political Problems of the Kazakh Language and Ethno-Cultural Symbolism of Kazakhstan

In the article, the influence of lingual processes upon national identity of Kazakhstan is examined. It is stated that national elites are under the influence of Romantic nationalism and this creates an uncertainty in the definition of national identity of Kazakhstan.

